

*Николай Михайлович
Карамзин*

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В Д В Е Н А Д Ц А Т И Т О М А Х

Николай Михайлович
Карамзин
(1776–1826)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Томы IV—VI

Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К21

На корешках книг многотомника представлена
панорама *Фридриха Дюрфельда*.
Вид Кремля с Софийской набережной. 1790-е гг.

Карамзин, Николай Михайлович.

К21 История государства Российского. В двенадцати
томах. Тома IV—VI / Н. М. Карамзин. — Москва :
Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-228596-7

210 лет назад отечественному читателю были представлены первые тома издания «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Публикация произвела ошеломляющее воздействие на современников. Карамзин стал первым, кто открыл отечественную историю для широкого круга российского общества. Впервые наши соотечественники узнали, что история России не менее занимательная и поучительная, чем мировая. А незаурядный литературный талант автора, изящество его стиля сделали это монументальное произведение величайшим достижением золотого века русской литературы. И сегодня 12-томное творение российского классика остается ярким, живым, уникальным явлением русской культуры.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-228596-7

© Составление, комментарии, иллюстрации, макет.
Fortune Triumph Ltd, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Том IV

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ II ВСЕВОЛОДОВИЧ. 1238–1247 гг.

*Бодрость Ярослава.
Свойства Георгия.
Освобождение Смоленска.
Междоусобия.
Батый опустошает Южную Россию.
Красота Киева. Великодушие
граждан. Осада и взятие Киева.
Состояние России.
Причина успехов Батыевых.
Свойства и оружие моголов.
Происшествия в Западной России.
Спесь венгерского короля.
Слава Александра Невского.
Россия в подданстве моголов.
Кончина и свойства Ярослава.
Убиение Михаила. Даниил,
честимый в Орде.
Любопытные известия о России
и татарах.
Политика Даниилова.
Даниил — король Галицкий.*

<Бодрость Ярослава.> Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами. В таких обстоятельствах государь чувствительный мог бы возненавидеть власть, но сей князь хотел славиться деятельностью ума и твердостью души, а не мягкосердечием. Он смотрел на повсеместное опустошение не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорейшими средствами загладить следы оного. Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла — одним словом, совершенно обновить государство. Еще на дорогах, на улицах, в обгорелых церквях и домах лежало бесчисленное множество мертвых тел: Ярослав велел немедленно погребать их, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живых предметы; ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием. Восстановив тишину и благоустройство, великий князь отдал Суздаль брату Святославу, а Стародуб Иоанну. Народ, по счастливому обыкновению человеческого сердца, забыл свое горе; радовался новому спокойствию и порядку; благодарил Небо за спасение еще многих князей своих; не знал, что Россия уже лишилась главного сокровища государственного — независимости, и слезами искреннего умиления оросил гроб Георгиев, перевезенный из Ростова во Владимир.

<1239 г. Свойства Георгия.> Георгий в безрассудной надменности допустил

татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты государства, но он имел добродетели своего времени: любил украшать церквы, питал бедных, дарил монахов — и граждане благословили его память.

<Освобождение Смоленска.> Ко славе государя, попечительного о благе народном, великий князь присоединил и славу счастливого воинского подвига. Литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области; Ярослав, разбив их, пленил князя Литовского, освободил Смоленск и посадил на тамошнем престоле Всеволода Мстиславича, Романа внука, княжившего прежде в Новгороде.

<Междоусобия.> Между тем князья Южной России, не имев участия в бедствиях Северной, издали смотрели на оные равнодушно и думали единственно о выгодах своего особенного властолюбия. Как скоро Ярослав выехал из Киева, Михаил Черниговский занял сию столицу, оставив в Галиче сына, Ростислава, который, нарушив мир, овладел Данииловым Перемышлем. Чрез несколько месяцев Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, ходившего со всеми боярами на Литву; нечаянно обступил Галич; подъехал к стенам и, видя на них множество стоящего народа, сказал: «Граждане! доколе вам терпеть державу князей иноплеменных? не я ли ваш государь законный, некогда вами любимый?» Все ответствовали единодушным восклицанием: «Ты, ты — наш отец, Богом данный! иди: мы твои!» Воевода Ростислава и галицкий епископ Артемий хотели удержать народ, но не могли и должны были встретить Даниила, скрывая внутреннюю досаду под личиною притворного веселия. Никогда в сем городе, славном мятежами, измена-

ми, злодействами, не являлось зрелища столь умирительного: граждане, по выражению летописца, *стремились к Даниилу, как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному*, поздравляя друг друга с князем любимым. Даниил принес благодарность Всевышнему в соборной церкви Богоматери, поставил свою хоругвь на Немецких воротах и, восхищенный знаками народного усердия, говорил, что никто уже не отнимет у него Гаича. Сведав о происшедшем, Ростислав бежал в Венгрию, будучи женихом королевы, Белиной дочери, а бояре галицкие упали к ногам Данииловым. Редкое милосердие сего князя не истощилось их злодеяниями; он сказал только: «Исправьтесь!» — и надеялся великодушием обезоружить мятежников. В самом деле они усмирились, но тишина, восстановленная Даниилом в сих утомленных междоусобиями странах, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходил из России единственно для того, чтобы овладеть землею половцев. Знаменитейший из их ханов, Котян, тесть храброго Мстислава Галицкого, был еще жив и мужественно противился татарам; наконец, разбитый в степях астраханских, искал убежища в Венгрии, где король, приняв его в подданство с 40 000 единоплеменников, дал им земли для селения. Покорив окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границах России; завоевали Мордовскую землю, Муром и Гороховец, принадлежавший владимирскому храму Богоматери. Тогда жители великого княжества снова обеспамятели от ужаса: оставляя дома свои, бежали из места в место и не знали, где найти безопасность.

<Батый опустошает Южную Россию.> Но Батый шел громить южные преде-

лы нашего отечества. Взяв Переяславль, татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолепно украшенная серебром и золотом, заслужила их особенное внимание: они сравняли ее с землею, убив епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Чернигов, славный мужеством граждан во времена наших междоусобий. Сии добрые россияне не изменили своей прежней славе и дали отпор сильный. Князь Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаил, предводительствовал ими. Бились отчаянно в поле и на стенах. Граждане с высокого вала разили неприятелей огромными камнями. Одержав наконец победу, долго сомнительную, татары сожгли Чернигов, но хотели отдыха и, через Глухов отступив к Дону, дали свободу плененному ими епископу Порфирию. Сим знаком отличного милосердия они хотели, кажется, обезоружить наше духовенство, ревностно возбуждавшее народ к сопротивлению. — Князь Мстислав Глебович спас жизнь свою и бежал в Венгрию.

Уже Батый давно слышал о нашей древней столице днепровской, ее церковных сокровищах и богатстве людей торговых. Она славилась не только в Византийской империи и в Германии, но и в самых отдаленных странах восточных, ибо арабские историки и географы говорили об ней в своих творениях.

<1240 г. Красота Киева.> Внук Чингисхана, именем Мангу*, был послан осмотреть Киев: увидел его с левой стороны

* Мункэ (Мангу; 1208–1259) — 4-й великий хан (каан) Монгольской империи (1251–1259); внук Чингисхана, сын Толюя, брат Хубилая и Хулагу; участник Западного похода (1236–1242).

Днепра и, по словам летописца, не мог надивиться красоте оною. Живописное положение города на крутом берегу величественной реки; блестящие главы многих храмов, в густой зелени садов; высокая белая стена с ее гордыми воротами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художеством византийским в счастливые дни Великого Ярослава, — действительно могли удивить степных варваров. Мангу не отважился идти за Днепр, стал на Трубеже, у городка Песочного (ныне селения Песков) и хотел лестию склонить жителей столицы к подданству.

<Великодушие граждан.> Битва на Калке, на Сити, пепел Рязани, Владимира, Чернигова и столь многих иных городов свидетельствовали грозную силу моголов: дальнейшее упорство казалось бесполезным, но честь народная и великодушие не следуют внушениям боязливого рассудка. Киевляне все еще с гордостью именовали себя старшими и благороднейшими сынами России: им ли было смиренно преклонить выю** и требовать цепей, когда другие россияне, гнушаясь унижением, охотно гибли в битвах? Киевляне умертвили послов Мангу-хана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. Народ был смелее князя: Михаил Всеволодович, предвидя месть татар, бежал в Венгрию, вслед за сыном своим. Внук Давида Смоленского, Ростислав Мстиславич, хотел овладеть престолом киевским, но знаменитый Даниил Галицкий, сведав о том, въехал в Киев и задержал Ростислава как пленника. Даниил уже знал моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и ре-

** Т. е. поклониться (выя — шея).

Гуюк (1206–1248) — 3-й великий хан (каан) Монгольской империи (1246–1248); внук Чингисхана, сын и преемник Угэдэя. Участвовал в Западном походе во главе войска улуса Угэдэя, но под верховным командованием Джучида Батгя, а также во взятии Рязани и, вероятно, в битве у Коломны. Позднее Гуюк поссорился с Батгем, который стал его непримиримым врагом и четыре с половиной года (1241–1246) не давал ему взойти на престол. Последовавшая за этим попытка Гуюка подчинить Батгя закончилась скорострельной смертью великого хана, не успевшего насладиться властью. Юрт Гуюка находился в районе реки Эмель и озера Ала-Куль в Восточном Казахстане и смежной части китайской провинции Синьцзян.

шился, подобно Михаилу, ехать к королю Венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров. Надлежало оставить в столице вождя искусного и мужественного: князь не ошибся в выборе, поручив оную боярину Димитрию.

<Осада и взятие Киева.> Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных сторон облегла Киев. Скрып бесчисленных телег, рев верблюдов и волов, ржание коней и свирельный крик неприятелей, по сказанию летописца, едва позволяли жителям слышать друг друга в разговорах. — Димитрий бодрствовал и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева со всеми воеводами могольскими; что знатнейшие из них суть Гаюк (сын великого хана), Мангу, Байдар (внуки Чингисхановы), Орду, Кадан, Судай-Багадур, победитель ниучей китайских, и Бастыр, завоева-

Байдар (Бучек, Бихак) — младший брат Мункэ, согласно Юань-ши, — восьмой (из 11) сын Толуя. В Западном походе вместе с Мункэ действовал против кипчаков, вместе с двоюродным братом Шибаном и племянником Бури покорил Крым (ок. 1239), затем командовал войсками в Валахии, брал с Батгем Киев и самостоятельно Краков. Угэдэй называл его среди полководцев, внесших наибольший вклад в успех Западного похода. Участвовал в курултае 1246 г.

Орду-Ичен (Орда-Эджен, в русских летописях Урдой) — правитель левого крыла улуса Джучи (Синей Орды; 1227–1252); старший сын Джучи. Участник Западного похода (действовал на Руси, в Польше и Венгрии). По преданию, убит собственными приближенными.

тель Казанской Болгарии и княжения Суздальского. Сей пленник сказывал о Батгевой рати единственно то, что ей нет сметы. Но Димитрий не знал страха. Осада началась приступом к вратам Лятским, к коим примыкали дебри: там стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда, и киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный: «стрелы омрачили воздух; копья трещали и ломались»; мертвых, издыхающих попирали ногами. Долго остервенение не уступало силе, но татары ввечеру овладели стеною. Еще воины российские не теряли бодрости, отступили к церкви Десятинной и, ночью укрепив оную тыном, снова ждали неприятеля, а безоружные граждане с драгоценнейшим своим имением заключились в самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города, однако ж не было слова о переговорах: никто не думал молить лютого Батгя о пощаде и милосердии; великодушная смерть казалась и воинам и гражданам необходимостью, предписанною для них

Кадан — один из командующих в Западном походе; внук Чингисхана, сын Угэдэя, младший брат Гуюка. В 1237 г. участвовал в походе на башкир, Волжскую Булгарию и мордву, зимой 1237–1238 гг. — в первом походе на Русь. На последнем этапе Западного похода участвовал во взятии Киева; вместе с Батыем и Субэдэем взял Галич; затем, отделившись от Батгя и Субэдэя, перешел Карпаты, вторгся в Венгрию; в апреле 1241 г. участвовал в битве на р. Шайо. Год спустя вышел к Адриатике, после чего вернулся в Степь. В 1251 г. Кадан поддержал кандидатуру Мункэ на ханский престол, а во время распри Ариг-Буги и Хубилая выступил на стороне последнего.

отечеством и верою. Димитрий, исходя кровию от раны, еще твердою рукою держал свое копие и вымышлял способы затруднить врагам победу. Утомленные сражением моголы отдыхали на развалинах стены: утром возобновили оное и сломили брвенную ограду россиян, которые бились с напряжением всех сил, помня, что за ними гроб св. Владимира и что сия ограда есть уже последняя для их свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественного Димитрия и привели к Батгю. Сей грозный завоеватель, не имея понятия о добродетелях человеколюбия, умел ценить храбрость необыкновенную и с видом гордого удовольствия сказал воеводе российскому: «Дарую тебе жизнь!» Димитрий принял дар, ибо еще мог быть полезен для отечества.

Моголы несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения, истреблением людей и всех плодов должного гражданского образования.

Субэдэй (1176–1248) — виднейший монгольский полководец, соратник Чингисхана. Сын кузнеца из племени урянхаев. Участвовал во всех основных монгольских походах первой половины XIII в. — в Северный Китай (империю Цзинь), против меркитов, в государство Хорезмшахов. Вместе с Джэбэ (ок. 1181 — ок. 1225/1231) командовал монголами в битве на Калке (1223). Субэдэй фактически был главнокомандующим в Западном походе Батгя (1236–1242). Носил титул *bahatur*, или *bagatur*, что значит «богатырь». А. Н. Гумиев считал его величайшим монгольским полководцем за все время существования Монгольской империи и государств, на которые она распалась. Субэдэй, как и Суворов, не потерпел ни одного поражения, но в отличие от Суворова завоевал полмира.

Древний Киев исчез, и навеки, ибо сия, некогда знаменитая столица, *мать городов российских*, в XIV и в XV веке представляла еще развалины; в самое наше время существует единственно тень ее прежнего величия. Напрасно любопытный путешественник ищет там памятников, священных для россиян: где гроб Ольгин? где кости св. Владимира? Батгый не пощадил и самых могил: варвары давили ногами череплы наших древних князей. Остался только надгробный памятник Ярославов, как бы в знак того, что слава мудрых гражданских законодателей есть самая долговечная и вернейшая... Первое великодушное здание греческого зодчества в России, храм Десятинный был сокрушен до основания: после, из развалин оно, воздвигли новый, и на стенах его видим отрывок надписи древнего. — Лавра Печерская имела ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные к святине сего места, не хотели впустить неприятелей в ограду его: моголы таранами отбили врата, похитили все сокровища и, сняв *златокованный* крест с главы

храма, разломали церковь до самых окон, вместе с кельями и стенами монастырскими. Если верить летописцам XVII века, то первобытное строение лавры красотою и величием превосходило новейшее. Они же повествуют, что некоторые иноки печерские укрылись от меча Батыева и жили в лесах; что среди развалин монастыря уцелел один малый придел, куда сии пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извещаемые о том унылым и протяжным звоном колокола.

Батый — узнав, что князья Южной России находятся в Венгрии, — пошел в область Галицкую и Владимирскую; осадил город Ладыжин и, не умев двенадцатью орудиями разбить крепких стен его, обещал помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему поверили, и ни один из них не остался жив, ибо татары не знали правил чести и всегда, обманывая неприятелей, смеялись над их легковерием. Завоевав Каменец, где господствовал друг Михайлов, Изяслав Владимирович, внук Игорев, татары отступили с неудачею от Кременца, Данилового города, но взяли Владимир, Галич и множество иных городов. Великодушный воевода киевский, Дмитрий, находился с Батыем и, сокрушаясь о бедствиях России, представлял ему, что время оставить сию землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство Венгерское; что король Бела есть неприятель опасный и готовит рать многочисленную; что надобно предупредить его или он всеми силами ударит на моголов. Батый, уважив совет Дмитриев, вышел из нашего отечества, чтобы злодействовать в Венгрии: таким образом сей достойный воевода российский и в самом

плене своем умел оказать последнюю, важную услугу несчастным согражданам. Благодеяние и драгоценная народная независимость погибли для них на долгое время: по крайней мере, они могли возвратиться из лесов на пепелище истребленных жительство; могли предать земле кости милых ближних и в храмах, немедленно возобновленных их общим усердием, молиться Всевышнему с умилением. Вера торжествует в бедствиях и смягчает оные.

<Состояние России.> Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их, от берегов Оки до Сана. Летописцы наши, сетуя над развалинами отечества о гибели городов и большей части народа, прибавляют: «Батый, как лютый зверь, пожирал целые области, терзая когтями остатки. Храбрейшие князья Российские пали в битвах; другие скитались в землях чуждых; искали заступников между иноверными и не находили; славились прежде богатством и всего лишились. Матери плакали о детях, пред их глазами растоптанных конями татарскими, а девы о своей невинности: сколь многие из них, желая спасти оную, бросались на острый нож или в глубокие реки! Жены боярские, не знавшие трудов, всегда украшенные златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженные толпою слуг, сделались рабами варваров, носили воду для их жен, мололи жерновом и белые руки свои опалили над очагом, готовя пищу неверным... Живые завидовали спокойствию мертвых». Одним словом, Россия испытала тогда все бедствия, пре-

терпенные Римскою империею от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнствуют между собою только в силе.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве моголов в ратном деле: древние россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками, или с единоплеменниками, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей, ни одному из тогдашних европейских народов.

<Причина успехов Батыевых.> Но дружины князей и города не хотели соединиться, действовали особенно и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева, ибо сей завоеватель беспрестанно умножал рать свою, присоединяя к ней побежденных. Еще Европа не ведала искусства огнестрельного, и неравенство в числе воинов было тем решительнее. Батый предводительствовал целым вооруженным народом; в России жители сельские совсем не участвовали в войне, ибо плодами их мирного трудолюбия питалось государство и казна обогащалась. Земледельцы, не имея оружия, гибли от мечей татарских, как беззащитные жертвы; малочисленные же ратники наши могли искать в битвах одной славы и смерти, а не победы.

<Свойство и оружие моголов.> Впрочем, моголы славились и храбростию, вселенною в них умом Чингисхана и сократетными победами. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волах свои кибитки

и семейства, жен, детей и везде находили отечество, где могло пастись их стадо. В свободное от человекоубийств время занимались звериною ловлею; видя же неприятеля, бесчисленные толпы сих варваров, как волны, стремились одна за другою, чтобы со всех сторон окружить его, и пускали тучу стрел, но удалялись от ручной схватки, жалея своих людей и стараясь убивать врагов издали. Ханы и главные начальники не вступали в бой: стоя назади, разными маяками¹ давали повеления и не стыдились иногда общего бегства, но смертью наказывали того, кто бежал один и ранее других. Стрелы моголов были весьма остры и велики, сабли длинные, копья с крюками, щиты ивовые или сплетенные из прутьев.

<Происшествия в Западной России.> В то время как сии губители свирепствовали в Южной России, ее князья находились в Польше. Король Венгерский, видя Михаила изгнанником, не хотел выдать дочери за его сына и велел им удалиться. Даниил, готовый тогда ехать к Беле IV, имел случай оказать свое великодушие: убедил великого князя, Ярослава, освободить жену Михайлову, еще до нашествия Батыева плененную им в Каменце; возвратил ее супругу и, забыв вражду, обещал навсегда уступить ему Киев, если благодать Всевышнего избавит Россию от иноплеменников, а Ростиславу отдал Луцк.

<Спесь короля Венгерского.> Чтобы в общей опасности действовать согласнее с Белою, Даниил, прибыв в Венгрию, изъявил намерение вступить с ним в свойство и сына своего, юного Льва, женить на дочери королевской, но спесивый Бела отвергнул сие предложение, думая, что Батый не дерзнет идти за Карпатские горы и что несчастье

российских княжений есть счастье для Венгрии: мысль ума слабого, внушаемая обыкновенно взаимною завистию держав соседственных! Предсказав королю гибельное следствие такой системы, Даниил спешил защитить свое княжение, но поздно: толпы беглецов известили его о жалостной судьбе Киева и других наших городов знаменитых. Уже татары стояли на границе. Даниил, окруженный малочисленною дружиною, искал убежища в земле Конрадовой; там нашел он супругу, детей и брата, которые едва могли спастись от меча варваров; вместе с ними оплакал бедствие отечества и, слыша о приближении моголов, удалился в Мазовию, где Болеслав, сын Конрадов², дал ему на время Вышегород и где Даниил с Васильком оставались до самого того времени, как Батый вышел из Юго-Западной России.

Получив сию утешительную весть, они возвратились в отечество; не могли от смрада въехать ни в Брест, ни во Владимир, наполненный трупами, и решились жить в Холме, основанном Даниилом близ древнего Червена и, к счастью, уцелевшем от могольского разорения. Сей городок, населенный отчасти немцами, ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалин всей окрестной страны казался тогда очаровательным, имея веселые сады, насажденные рукою его основателя, новые здания и церкви, им украшенные (в особенности церковь Св. Иоанна, поставленную на четырех, искусно изваянных головах человеческих, с медным помостом и с *римскими* стеклами в окнах). Как бы следуя указанию Неба, столь чудесно защитившего сие приятное место, Даниил назвал Холм своим любимым городом и, подобно

Ярославу, суздальскому великому князю, неумолимо старался воскресить жизнь и деятельность в областях Юго-Западной России.

Ему надлежало не только вызвать людей из лесов и пещер, где они скрывались, но и сражаться с буйностию легкомысленных бояр, которые думали, что внук Чингисханов опустошил наше государство для их пользы и что им настало время царствовать. Воевода дрогичинский не впустил князя в сей город, а бояре галицкие хотя и называли Даниила своим государем, однако ж самовольно повелевали областями, явно над ним смеялись, присвоили себе доходы от соли коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье так называемым княжеским *оружникам*, и тайно сносились с Михайловым сыном, Ростиславом. Долго бегав от татар из земли в землю, Михаил, ограбленный немцами близ Сирадии, возвратился в Киев и жил на острове против развалин сей древней столицы, послав сына в Чернигов. Он уже не помнил благоденний шурина и старался ему злодействовать. Ростислав хотел овладеть Бакотою в Понизье; был отражен Даниловым печатником, но занял Галич и Перемышль. Столь мало князья Российские научились благоразумию в несчастиях, с бессмысленным властолюбием споря между собою о бедных остатках государства растерзанного! Несмотря на измены бояр и двух епископов, Галицкого и Перемышльского, друзей Михайлова сына; несмотря на изнурение своего княжества и малочисленность войска, большею частию истребленного татарами, Даниил смирил мятежников и неприятелей, изгнал Ростислава из Галича и пленил его союзников, князей Болоховских, прежде

облагодетельных им и Васильком. Достоин замечания, что сии князья умели спасти их землю от хищности Батыевой, обзавшись сеять для татар пшеницу и просо. — В то же время оскорбленный поляками Даниил осаждал и взял бы Люблин, если бы жители не испросили у него мира. Восстановив свою державу, он ждал с беспокойством, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще некоторые отряды моголов не выходили из России, довершая завоевание восточных уделов черниговских, и князь Мстислав, потомок Святослава Ольговича Северского, был умерщвлен татарами.

<Слава Александра Невского.> Один Новгород остался цел и невредим, благословляя милость небесную и счастье своего юного князя, Александра Ярославича, одаренного необыкновенным разумом, мужеством, красотою величественною и крепкими мышцами Самсона. Народ смотрел на него с любовью и почтением; приятный голос сего князя *гремел как труба* на вечах. Во дни общих бедствий России возникла слава Александра. Достигнув лет юноши, он женился на дочери полоцкого князя, Брячислава, и, празднуя свадьбу, готовился к делам ратным; велел укрепить берега Шелони, чтобы защитить Новгородскую область от внезапных нападений чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что мир в сии времена общих разбоев не мог быть продолжителен.

Ливонские рыцари, финны и шведы были неприятелями Новгорода. Первые сделались тогда гораздо сильнее и для россиян опаснее, ибо, лишася магистра своего, Вольквина, и лучших сподвижников в несчастной битве с Литвою, присоединились к славному Немецкому ордену

Св. Марии. Скажем несколько слов о сем достопамятном братстве. Когда государи европейские, подвигнутые и славолубием и благочестием, вели кровопролитные войны в Палестине и в Египте; когда усердие видеть святые места ежегодно влекло толпы людей из Европы в Иерусалим, многие немецкие витязи, находясь в сем городе, составили между собою братское общество, с намерением покровительствовать там своих единоземцев, бедных и недужных, служить им деньгами и мечем — наконец быть защитниками всех богомольцев и неутомимыми врагами сарацинов³. Сие общество, в 1191 году утвержденное папскою буллою, называлось орденом Св. Марии Иерусалимской, и рыцари его ознакомили белые свои мантии черным крестом, дав торжественный обет целомудрия и повиновения начальникам. Великий магистр говорил всякому новому сочлену: «Если вступишь к нам в общество с надеждою вести жизнь покойную и приятную, то удайся, несчастный! ибо мы требуем, чтобы ты отрекся от всех мирских удовольствий, от родственников, друзей и собственной воли: что ж в замену обещаем тебе? хлеб, воду и смиренную одежду. Но когда придут для нас времена лучшие, тогда орден сделает тебя участником всех своих выгод». Сии лучшие времена настали: орден Св. Марии, переселясь в Европу, был уже столь знаменит, что великий магистр его, Герман Зальца, мог судить папу, Гонория III, с императором Фридрихом II, завоевал Пруссию — ревностно обращая ее жителей в христианство, то есть огнем и мечем, — принял ливонских рыцарей под свою защиту, дал им магистра, одежду, правила ордена Немецкого и, наконец, слово, что ни литовцы, ни датчане, ни россияне уже не будут для них опасны.

В сие время был магистром Ливонским некто Андрей Вельвен, муж опытный и добрый сподвижник Германа Зальцы. Желая, может быть, прекратить взаимные неудовольствия ливонских рыцарей и новгородцев, он имел свидание с юным Александром: удивился его красоте, разуму, благородству и, возвращаясь в Ригу, говорил, по словам нашего летописца: «Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новгородского с изумлением». Сей юный князь скоро имел случай важным подвигом возвечить свою добрую славу.

Король Шведский, досадуя на россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижеры, с великим числом шведов, норвежцев, финнов. Сей вождь опытный, дотоле счастливый, думал завоевать Ладогу, самый Новгород и велел надменно сказать Александру: «Ратоборствуй со мною, если смеешь; я стою уже в земле твоей». Александр не изъявил ни страха, ни гордости послан шведским, но спешил собрать войско; молился с усердием в Софийской церкви, принял благословение архиепископа Спиридона, отер на праге слезы умиления сердечно и, вышедши к своей малочисленной дружине, с веселым лицом сказал: «Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!» Он не имел времени ждать помощи от Ярослава, отца своего; самые новгородские воины не успели все собраться под знамена: Александр выступил в поле и 15 июля приблизился к берегам Невы, где стояли шведы. Там встретил его знатный иже-ряннин, Пелгуй, начальник приморской стражи, с известием о силе и движениях

неприятеля. Здесь современный летописец рассказывает чудо. Иже-ряне, поданные новгородцев, большею частью жили еще в идолопоклонстве, но Пелгуй был христианин, и весьма усердный. Ожидая Александра, он провел ночь на берегу Финского залива во бдении и молитве. Мрак исчез, и солнце озарило необозримую поверхность тихого моря; вдруг раздался шум: Пелгуй содрогнулся и видит на море легкую ладью, гребцев, *одеянных мглою*, и двух лучезарных витязей в ризах червленых. Сии витязи совершенно походили на святых мучеников Бориса и Глеба, как они изображались на иконах, и Нелгуй слышал голос старшего из них: «Поможем родственнику нашему Александру!» По крайней мере, так он сказывал князю о своем видении и предзнаменовании столь счастливым, но Александр запретил ему говорить о том и, как молния, устремился на шведов. Внезапность, быстрота удара привела их в замешательство.

Князь и дружина оказали редкое мужество. Александр собственным копием *возложил печать на лице* Биргера. Витязь российский, Гавриил Олексич, гнал принца, его сына, до самой ладии; упал с конем в воду, вышел невредим и бодро сразился с воеводою шведским. Новгородец Сбыслав Якунович с одним топором вломился в середину неприятелей; другой, именем Миша, с отрядом пехоты истребил шнеки их, или суда. Княжеский ловчий Яков Полочанин, предводительствуя горстию смелых, ударил на целый полк и заслужил отменное благоволение Александра, который везде был сам и все видел. Ратмир, верный слуга князя, не уступал никому в храбрости: бился пеший, ослабел от ран и пал мертвый,

к общему сожалению наших. Еще стоял златоверхий шатер Биргеров; отрок Александров, Савва, подсек его столп; шатер упал, и россияне возгласили победу. Темная ночь спасла остатки шведов. Они не хотели ждать утра: нагроулили две щеки телами чиновников, зарыли прочих в яму и спешили удалиться. Главный воевода их, Спиридон, и епископ, по рассказам пленников, находились в числе убитых. Урон с нашей стороны был едва заметен, и сия достопамятная битва, обрадовав тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозвание *Невского*. Обстоятельства ее тем для нас любопытнее, что летописец, служа сему князю, слышал их от него самого и других очевидцев.

Рыцари ливонские не помогали шведам, однако ж старались вредить Новгороду. Ярослав, сын Владимира Псковского, в 1233 году сосланный в область Суздальскую, получил свободу, жил тогда у немцев в Эстонии и питал их ненависть к россиянам. Во Пскове были также некоторые изменники — чиновник Твердило и другие, — склонявшие рыцарей овладеть сим городом. Обнадеженные ими в верном успехе, немцы собрали войско в Оденпе, Дерпте, Феллине и с князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск. Псковитяне сразились с ними, но, претерпев великий урон и желая спасти город, зажженный неприятелем, должны были согласиться на мир постыдный. Рыцари хотели аманатов: знатнейшие люди представили им своих детей, и гнусный изменник, Твердило, начал господствовать во Пскове, деляся властью с немцами, грабя села новгородские. Многие добрые псковитяне ушли с семействами к Александру и требовали его защиты.

Князь Александр поражает копьем шведского ярла Биргера в битве на Неве.

Миниатора из Лицевого летописного свода. XVI в.

К несчастью, сей князь имел тогда распрю с новгородцами: досадуя на их неблагодарность, он уехал к отцу в Переславль Залесский, с матерью, супругою и всем двором.

Между тем немцы вступили в область Новгородскую, обложили данию вожан и построили крепость на берегу Финского залива, в Копорье, чтобы утвердить свое господство в нынешнем Ораниенбаумском уезде; взяли на границах Эстонии российский городок Тесов и грабили наших купцев верст за 30 до Новгорода, где чиновники дремали или тратили время в личных ссорах. Народ, видя беду, требовал себе защитника от Ярослава

Ледовое побоище. Князь Александр в битве на озере Пейпус в 1242 году.

Миниатора из Лицевого летописного свода. XVI в.

Всеволодовича и признал второго сына его, Андрея, своим князем, но зло не миновалось. Литва, немцы, чудь опустошали берега Луги, уводили скот, лошадей, и земледельцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибегнуть к герою Невскому: архиепископ со многими боярами отправился к Александру, убеждал, молил князя и склонил его забыть вину Новгородца.

<1241 г.> Александр прибыл, и все переменилось. Немедленно собралось войско: новгородцы, ладожане, корела, ижерцы весело шли под его знаменами к Финскому заливу; взяли Копорье и пленили многих немцев. Александр освободил некоторых, но вожане и чуд-

Александр Ярославич Невский (1221–1263) — князь Новгородский (1236–1240, 1241–1252, 1257–1259), великий князь Киевский (1249–1263) и Владимирский (1252–1263); святой Русской православной церкви. Успешный военный, искусный дипломат, прагматичный политик, побратим Батыева сына Сартака. В 1240 г. разбил небольшой, вошедший в Неву шведский отряд (с обеих сторон погибло несколько десятков человек), за что получил почетное прозвание Невский. Эта локальная стычка имела большое символическое значение для только что уничтоженной монголами русской государственности. В 1242 г. на Чудском озере победил отряд ливонских рыцарей (погибло несколько десятков рыцарей). Эта победа (Ледовое побоище) входит в перечень дней воинской славы (победных дней) России (утвержденный в 1995 г.) и отмечается 18 апреля — вместо 12-го, когда произошла на самом деле. (Из 16 включенных в перечень дат половину предписано праздновать не в те дни, когда состоялись соответствующие битвы.)

ские изменники, служившие неприятелю, в страх другим были повешены⁴.

<1242 г.> Знаменитая отчизна святой Ольги также скоро избавилась от власти предателя, Твердила, и чужеземцев. Александр завоевал Псков, возвратил ему независимость и прислал в Новгород скованных немцев и чудь. Летописец ливонский сказывает, что 70 мужественных рыцарей положили там свои головы и что князь Новгородский, пленив 6 чиновников, велел умертвить их. Победитель вошел в Ливонию, и, когда воины наши рассеялись для собрания съестных припасов, неприятель разбил малочисленный передовой отряд новгородский. Тут Александр оказал искусство благоразум-

ного военачальника: зная силу немцев, отступил назад, искал выгодного места и стал на Чудском озере

<5 апреля⁵.> Еще зима продолжалась тогда в апреле месяце, и войско могло безопасно действовать на твердом льду. Немцы острою колонною врезались в наши ряды, но мужественный князь, ударив на неприятелей сбоку, замешал их; сломил, истребляя немцев и гнал чужд до самого темного вечера. 400 рыцарей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен, и в том числе один, который в надменности своей хотел пленить самого Александра; тела чужд лежали на семи верстах. Изумленный сим бедствием, магистр ордена с трепетом ожидал Александра под стенами Риги и спешил отправить посольство в Данию, моля короля спасти Рижскую Богоматерь от *неверных*, жестоких россиян, но храбрый князь, довольный ужасом немцев, вложил меч в ножны и возвратился в город Псков. Немецкие пленники, потупив глаза в землю, шли в своей рыцарской одежде за нашими всадниками. Духовенство встретило героя со крестами и с песнями священными, славя Бога и Александра; народ стремился к нему толпами, именуя его отцем и спасителем. Счастливым делом своим и радостию общю, сей добрый князь пролил слезы и с чувствительностию сказал гражданам: «О псковитяне! если забудете Александра, если самые отдаленные потомки мои не найдут у вас верного пристанища в злополучии, то вы будете примером неблагодарности!» — Новгородцы радовались не менее псковитян, и скоро послы ордена заключили с ним мир, разменялись пленными и возвратили псковских аманатов, отказавшись не только от Луги и Водской области,

но уступив Александру и значную часть Лэтгаллии.

<1243–1245 гг.> В сие время литовцы разбили Ярослава *Владимировича*, который, оставив немцев, с изволения Александрова начальствовал в Торжке. Соединясь с тверскою дружиною, Ярослав гнался за хищниками до Торопца, где они считали себя уже в безопасности, овладев крепостию; но герой Невский приспел, взял город, истребил их всех, одних на стенах, других в бегстве, и в том числе 8 князьков Литовских. Совершив подвиг, Александр отпустил войско, ехал с малочисленною дружиною и вдруг увидел себя окруженного новыми толпами неприятелей: ударил неустрашимо, рассеял оные, благополучно возвратился в Новгород. — Одним словом, Александр, в несколько дней, семь раз победил литовцев; воины его, ругаясь над ними, привязывали пленников к хвостам конским.

<Россия в подданстве моголов.> Сии частные успехи не могли переменить общей судьбы россиян, уже данников татарских. Батый, завоевав многие области польские, Венгрию, Кроацию, Сервию, Дунайскую Болгарию, Молдавию, Валахию и приведши в ужас Европу, вдруг, к общему удивлению, остановил бурное стремление моголов и возвратился к берегам Волги. Там, именуясь ханом, утвердил он свое владычество над Россиею, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всеми от устья Дона до реки Дуная. Никто не дерзал ему противиться: народы, государи старались смягчить его смиренными посольствами и дарами. Батый звал к себе великого князя. Ослушание казалось Ярославу неблагоприятным в тогдашних обстоятельствах России⁶, изнуренной,

безлюдной, полной развалин и гробов: презирая собственную личную опасность, великий князь отправился со многими боярами в стан Батыев, а сына своего, юного Константина, послал в Татарию к великому хану Октаю, который в сие время, празднуя блестящие завоевания моголов в Китае и в Европе, угощал всех старейшин народа. Никогда, по сказанию историка татарского, мир не видал праздника столь роскошного, ибо число гостей было несметно. — Батый принял Ярослава с уважением и назвал главою всех князей Российских, отдав ему Киев (откуда Михаил уехал в Чернигов).

Так государи наши торжественно отрекались от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров. Поступок Ярослава служил примером для удельных князей Суздальских: Владимир Константинович, юный Борис Василькович, Василий Всеволодович (внук Константинов) также *били челом* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать в областях своих⁷. Сын Ярославов через два года возвратился из Китайской Татарии, а великий князь, вторично принужденный ехать в Орду со всеми родственниками, должен был сам отправиться к берегам Амура, где моголы, по смерти Октая, занимались избранием нового великого хана.

<30 сентября 1246 г. Кончина и свойства Ярослава.> Ярослав простился навеки с любезным отечеством: сквозь степи и пустыни достигнув до ханского стана⁸, он в числе многих иных данников смирялся пред троном Октаева наследника, оправдал себя в каких-то доносах, сделанных на него хану одним российским вельможею, и, получив милостивое дозволение ехать обратно, кончил жизнь на пути.

Таким образом, сей князь несчастный, был свидетелем и жертвою народного уничтожения России, не имел и последнего утешения сомкнуть глаза в недрах святого отечества! Верные бояре привезли его тело в столицу владимирскую. Говорили, что он был отравлен; что мать нового хана Гаюка, как бы в знак особенного благоволения предложив Ярославу пищу из собственных рук, дала ему яд, который в седьмой день прекратил его жизнь и ясно обнаружился пятнами на теле умершего. Но моголы, сильные мечем, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых. Мог ли князь Владимирской области казаться страшным монарху, повелевавшему народами от Амура до устья Дунайского?

Ярослав, в юности жестокий и непримиримый от честолюбия, украшался и важными достоинствами, как мы видели: благоразумием деятельным и бодростию в государственных несчастиях, был возобновителем разрушенного великого княжения; гибкостию и превосходством ума своего снискал почтение варваров, Батгия и Гаюка, но не заслужил *ревностной* похвалы наших летописцев, ибо не раздавал имения церквам и монахам, отличаясь, может быть, верою просвещенною, а не суесвятством*. — Супруга его, именем Феодосия, оставленная им в Новгороде, скончалась там в 1244 году; за малое время до смерти постриглась в Георгиевском монастыре и была схоронена в оном подле ее сына, Феодора.

<Убиение Михаила.> Россия, огорченная смертью Ярослава, почти в то же время сведала ужасные обстоятельства кончины Михайловой. Узнав, что сын его,

* Т. е. суеверием.